

Екатерина Симонова

Поднимаешь выше свечу...

читатель читает, а плотник — поет,
и стружка свивается хрупко.
вот стол во дворе, вот дедов комод,
вот никнет голубка

в ладони твоей — известка и сор,
уборка, усталость, смиренность,
ты сам себе с детства не пойманный вор,
лазутчик, любовник неверный

и сам себе садишь рыдающий сад
вокруг невеселого дома,
ты ждешь себя ночью и днем, сам не рад
себе и тому, что знакомо

до снега простынок, салфеток, небес,
скрипящих на серых веревках
на заднем дворе, в пустой тишине,
не тронутой жалости воском.

ни пятнышка нет на столе, на тебе,
в твоих пожелтевших тетрадах,
на высохшей и почерневшей руке
голодного сада,

и бражника серенький сверток лежит,
забытый и мертвый, беспечный,
в углу подоконника, в пепле травы —
как радостно быть им неечно,

как радостно быть, и забыть, и любить,
как радостно и невозможно.
все просто: вот уголь древесный, вот дни —
согрейся, замерзни, что сможешь.

Екатерина Симонова — окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Печаталась в журналах и альманахах «Воздух», «Вавилон», «Урал», «Уральская новь», «Транзит-Урал», «Стетоскоп» и др. Выпустила три книги стихов. Лауреат фестивалей актуальной поэзии Урала и Сибири «Новый Транзит». Победитель турнира поэтов «Естественный отбор» (Екатеринбург, 2002), Большого уральского поэтического слэма (Екатеринбург, 2009). Живет в Нижнем Тагиле.

кого угодно, Пушкина — ни-ни!
ни черных фалд, ни тросточки, ни строчки.
а осень перелистывает дни
и веки декадентски препорочно

подводит столь, что — плюнуть и зажить —
как Пушкин-друг, в какой-нибудь деревне,
где дождь стучит, как черт, как пушкин сын,
по подоконнику и женским нервам,

но Анна грозно вновь вздымает длань —
княгиню Морозовой с последней парты:
не троньте *НАШЕГО*, хрустальную гортань,
удачливого Бонапарта,

опору и надежу, жаркий лоб,
взгляд королевича, ах, горького сластену,
Ивановна Марина, вся озноб,
пылка и выжженна, и небонтона,

того же жаждет: руки прочь
от скалозуба, боже, донжуана,
способного лишь взглядом истолочь
гранит сердец, бугристый лед Фонтанки!

о, женщины, о, юбки, их табак,
стихи и юность в пепел обративший,
любовь пестра, как шутовской колпак,
любовь пуста, как чеховские вишни,

и благодать — забыту девой быть,
и ждать дождей, пить мирно водку с няней.
Лес. Утро. Мокро. Пушкин по грибы
уходит, возвращается с грибами.

1

Душа

«Я тебя никому не отдам».
Ах, слова мои — дорога и капкан.
Ах, слова твои — сад и любовь.
Ну так что ж — по рукам?

Волосы старость выбелит одной.
Молодость платье белое выткет другой.
Все равно в одну землю ляжем, что же говорю, боже мой.
Разве ты видишь исход иной?

Вот так и берем с одного блюда плоды,
Сидим за одним столом.
Когда я гляжу в зеркало — замечаю: там ты,
В моих глазах, точно птица, вьешь дом.

2

Именины

Так вот и ты среди них,
Мой милый воздухоплаватель,
Гладишь, как и они, сверху вниз,
Киваешь мне — кошка так трогает лапою,

Осторожно, поутру снег,
Выпавший за ночь, разлитый в воздухе, —
Катерины, бедной души, ночлег,
Ангелицы, курочки пестренькой.

И обнимает тогда непечаль —
Легче легкого, серей белого,
Будто беличья шубка с плеча
Неангельского, оробелого.

3

Старая псица улыбается, машет хвостом —
Подойди, погладь, немного мне
Нужно, разве что лечь невесомым листом
В твоих ногах, да и думать о том,

Как ты сегодня ко мне добр,
Как же ясен и тепел день,
Точно ореховая скорлупа,
Хрупающий под ногой чужака.

Просто погладь меня, просто, прошу, погладь,
Истосковалась моя душа,
Которой, может, и нет, однако же есть тоска
По несбывшемуся, вот и жду до сих пор, дрожа.

4

Не говори, что не помню тебя, —
Помню, терплю, когда во сне
Ты проходишь мимо меня,
Будто тени в густом стекле

Этой зимы, поднявшейся так, тяп-ляп,
Что напеку пирогов, калачей —
Поровну разделю, как всегда,
Но не с тобой, прости меня, не унять теперь,

Нет, не слез, так, какую-то боль,
Свернувшуюся, как эмбрион, на дне
То ли зимы, то ли меня, — не любовь,
Но то, что с ней, кажется, наравне.

Елене Сунцовой

темнота выведет тебя за руку в зал,
поклонится тебе — низко, еще ниже.
идет бесконечный дождь —
ближе, еще ближе.

ты поднимаешь выше свечу,
ты ее задуваешь.
эта тоска освещает все.
я это знаю.

просто посиди рядом со мной.
чувствуешь, какая внутри тебя осень большая?
как песочные часы,
из пустого в порожнее повторяю.

руки лежат на коленях,
ненужные, как вещь, ножницы или бусы.
пусть, повторяю, пусть
смерть будет русой.

тихо склонится над,
целуя почти что мимо.
ты представляешь: я
никого не любила.

Двенадцатое письмо — Олегу Дозморову

иногда я представляю, как мы гуляем в золотом пасторальном саду:
никакой метафизики — сплошной променад.
не понимая, что природа для человека — то же, что Герострат.
сад медленно в нас проникает, как яд.

треугольники елок вписываются в овал
воздуха над горизонтальной водой.
может быть, я ошибаюсь, но иногда мне кажется, что
самые точные — не всегда самые правильные слова.

мир вещей проще, а значит, всегда — верней.
вещи скрывают нас от пространства,
т.е. от вечности, потому что она
вне

этих новых зеленых перчаток, пахнущих кожей и краской,
лампы настольной с треснувшим абажуром,
кошечки — серой, солдатски-суконной, важно сидящей в окне,
в сумерках представляющейся невнятной гравюрой.

стол, табакерка, зима, зима:
Пушкин не пьет, а только слушает звон стекла.
Лермонтов просто уходит один.
что за метель нас всех замела?
каждый давно, понимаешь, слишком давно один,

каждый уходит один.
впрочем, каждый уходит один,
даже если уходят вдвоем.
я понимаю это, я все понимаю, но

Фотографируются на память, говорят, молчат,
Осенний воздух намазывая на бутерброд,
Ольга заваривает чай,
Ирина к чаю зовёт.

Время закутывает дом в шаль,
Ложкой позванивает в стакане, целует в лоб,
Складывает простыни, дни в расписной ларь,
Вздыхает, как спящий кот.

Дождь перечёркивает окно,
Как бумажные полосы, крест-накрест, и
Мария выходит в гаснущий коридор,
Не зная того, готовая к смерти так же, как и к любви,

И вот, в проёме между светом и тьмой двоясь,
Она оборачивается, не видимая ни для кого,
И только раз по-настоящему видит тебя,
Видящего её.

замолкаешь — будто вывинчиваешь лампочку из патрона,
больше не слышно света, помятого, как простыня,
выстиранная на руках, высушенная на балконе, —
вот и нет половины дня.

нет больше черемухи под окном в Тагиле,
нет больше серого утра в Екатеринбурге,
мы просыпаемся так, как будто нас никогда не любили,
пьём черный чай, надеваем полусолдатские куртки —

мы выходим на улицу, смиряясь с самими собою,
двор перекопан, осенний, как огород.
и картошка ушла, как партизаны, в подполье.
кажется, дождь идет.

кажется, рот развевает белесый воздух,
вот и Антон Палыч Чехов подслеповато стоит поодаль,
тень повторяет, кривляясь, скучную его позу,
смотрит, как мы уходим —

как выполняем просьбу умершего, но неблизкого друга,
больше вежливости, чем настоящего горя,
так и не начав говорить, круговая порука
молчанья сближает всегда, надолго.

ахнешь — а вот и жизнь прошла —
с чаем ночным в багете
кухонного окна.
осень и осень на свете.

листья летят, облетят,
как облетают листья,
ибо всему — свой сад
гипсового горниста:

серый асфальт и глушь
мокрых заборов, горя:
веток течет тушь,
ты навсегда не у моря.

парка — которая из? —
греческой головою
манит, кивает, зовет,
глухо зовет с собою:

прясть непотребную шерсть,
жирную, точно запах,
судеб овечий вес
утяжеляя краткой

встречей с самим собой,
юным и полупьяным.
не говори: стой.
не покидай, рано.

Ночью мама спрашивала: «Ты как?»
Или не спрашивала: заглядывала в комнату и
Прислушивалась к дыханию. Каждый пустяк
В этом доме напоминает о старости и любви.

Приходили родительские коты — по очереди, по одному,
Спали в голове, потом в ногах,
Иногда настораживая уши, прислушиваясь, как кусты
Облаков шумят от дождя.

Потом приходили они — все,
Кого я оставил или забыл:
Непростительные, прощающие, как все,
С кем я когда-либо был,

Прогуливался по берегу неназываемой античной реки,
Воды ее горячи даже во сне.
Они же, склоняясь к воде, колышась, как хлопковые тюки,
Шептали: «Оставь нам на память что-нибудь о тебе».

Одному — зрение, другому — слух,
Разнимая меня на части без боли и без тоски,
Они шепчут и шепчут, они говорят, опять говорят,
В лесу голосов сумрачные стволы

Вверх поднимаются — и не видно между ними небес,
По сравненью с которыми все слова пусты.
И я иду сквозь этот беспмятный лес:
В последнюю тьму из оставленной темноты.

утром видела — на снегу — потерянные:
три сапога, пустую бутылку, пустой пакет,
пустую куртку, задубевшую,
вверх рукавами, как будто человек в ней истаял, вытек,
а куртка осталась одна-одинешенька,
рукава протягивая к небу, так и замерзла,
прося вернуться, прося согреть,
не выпросив.

Юрию Казарину

снова осень, гудят провода.
нам уже не вернуться сюда,
где за общим столом можно пить и не плакать,
где с дыханьем выходит душа.

ты почувствуй, как рамы ночные скрипят,
рассыхаясь и вновь намокая,
за окном останавливается взгляд,
вспоминая,

как голодная цапля бредет по воде,
кровоной перезревший шиповник
прорастает в твоей опустевшей руке —
чтобы жить и не помнить.

Четвертое письмо — Наталье Санниковой

я ни с кем давно уже не говорю.
точней, не говорю всерьез.
это лучшее, что может придумать любой из нас, —
от слез.

сумерки понемногу растекаются по стеклу,
как ртуть.
я отражаюсь в окне — в профиль,
с картонной луною, примотанною ко рту.

кто поворачивает голову вместо меня,
вздрагивая, дрожа?
знаешь, больше всего я хочу хоть раз заснуть —
без жалости, не спеша,

не вглядываясь в темноту,
веришь мне или нет, но там кто-то есть —
кто-то знакомый, я чувствую металлический запах ключа,
сжатого в кулаке,
сколько еще будет этих не встреч?

знаю, прости, я редко тебе пишу,
но твой город слишком похож на мой —
он не совсем живой.

не знаю, как написать точнее.
просто не верь мне.
я просто боюсь людей.

какие-то дети кричат в голом дворе,
какая-то женщина в очереди на остановке гладит мех
на своем рукаве,
и снег обводит полукруги ее бровей.

мы все призраки. все.